

Гу Шаобай положил шахматную фигуру и с улыбкой произнес:

— Цинчи, ты наконец вернулся! Я как раз беспокоился.

Фан Цинчи поставил меч на стол рядом.

— Что случилось?

— Через два дня я с отцом и старшим братом отправляемся в дальнюю поездку, — объяснил Гу Шаобай. — Люняня я оставляю тебе. Если бы ты не вернулся, я бы уехал с беспокойным сердцем. Вот уж правда: говоришь о Цао Цао, а он тут как тут.

В это время Чжуншэн принес горячую воду, а Му Люнянь намочил полотенце и передал его Фан Цинчи. В момент передачи их пальцы случайно соприкоснулись. Му Люнянь словно получил удар током и чуть не выронил полотенце, но Фан Цинчи ловко поймал его. Их взгляды встретились на мгновение, после чего оба поспешно отвели глаза. На обычно спокойном лице Фан Цинчи появился легкий румянец, и он тихо произнес:

— Спасибо.

А Му Люнянь, отвернувшись, покраснел, словно закатное небо, его лицо стало невероятно красивым.

Цзи Цзяньчэнь, прождав некоторое время и не дождавшись приветствия от Гу Шаобая, с недовольством сказал:

— Я что, воздух, Гу Третий?

Гу Шаобай замялся и наконец пробормотал:

— Ты тоже здесь!

Цзи Цзяньчэнь приблизился к нему, сократив расстояние между их лицами до нескольких сантиметров, и требовательно спросил:

— Кто я?

Гу Шаобай отвернулся и тихо, как комар, прошептал:

— Цзяньчэнь... брат...

Он закрыл глаза, чувствуя себя крайне неловко. Он задавался вопросом, не слишком ли он опустился, променяв свою гордость ради денег.

Цзи Цзяньчэнь усмехнулся, видя его смущение, и решил не придавать значения его едва слышному голосу.

Гу Шаобай поспешно отступил на два шага, намочил платок и подал его Цзи Цзяньчэню.

Тот, удивленный и польщенный, почтительно принял платок и вытер свое невероятно красивое лицо:

— Третий молодой господин, говори, что тебе нужно. Беспричинная любезность всегда имеет скрытый смысл.

— Твоя пронизательность не подводит, — признался Гу Шаобай. — У меня действительно есть просьба.

Цзи Цзяньчэнь опустил на стул и кашлянул.

Гу Шаобай поспешил налить ему чашку чая и поставил перед ним. Когда просишь о помощи, гордость и принципы уходят на второй план.

— Видишь ли, Цзяньчэнь... брат, я с отцом и братом еду в Мобэй. Не мог бы ты поехать с нами? Путь далекий, и я беспокоюсь за их безопасность, — он встретился взглядом с Цзи Цзяньчэнем, который выглядел скептически, и быстро добавил. — Я знаю правила. Сколько ты хочешь?

Пока Цзи Цзяньчэнь считал на пальцах, Гу Шаобай чувствовал, как его сердце обливается кровью. На самом деле, у семьи Гу были свои охранники, способные справиться с обычными бандитами и разбойниками. Его беспокоило не это, а Му Цинфэн. Он не был уверен, насколько сильно Му Цинфэн ненавидит их семью. Вдруг тот внезапно решит уничтожить всех Гу разом!

Незаметно для Гу Шаобая, Цзи Цзяньчэнь закончил считать и устремил на него горячий взгляд, пока тот грыз ногти.

Гу Шаобай почувствовал себя неловко под его взглядом, оглядел себя, но не нашел ничего странного. Он тревожно спросил:

— Что, меня даже на вес продать недостаточно?

Цзи Цзяньчэнь приблизился к нему, вдохнул его легкий аромат и понял, что, должно быть, сходит с ума. Кажется, он невольно начал испытывать чувства к этому человеку.

Но что ж, пусть так. Цзи Цзяньчэнь, владелец Башни Черных Одежд, повидал немало красавцев и красавиц, но всегда оставался равнодушным. Он никогда не знал, что такое «любовь», и не собирался узнавать.

Он придерживался одного принципа: в постели — любовь, вне постели — холодность. А этот мимолетный порыв чувств, возможно, был просто результатом его временного помешательства.

Однако эти глаза перед ним были такими... особенными. Они были слишком невинными, добрыми и чистыми. В их прозрачном взгляде Цзи Цзяньчэнь всегда чувствовал себя недостойным, словно любая мысль оскверняла их чистоту, а любой взгляд мог вознести его на небеса.

Цзи Цзяньчэнь быстро отвел взгляд, насмехаясь над собой. Такой чистый, неопытный, наивный мальчик — явно не его тип.

Цзи Цзяньчэнь прочистил горло:

— Эм... туда и обратно — это слишком долго. В пути может случиться много непредвиденного. Давай посчитаем все по возвращении.

Гу Шаобай почувствовал облегчение. Посчитать потом? Отлично!

Тогда, может быть, он сможет... хе-хе, отказаться платить!

Просто у него сейчас совсем нет денег. Совсем!

Тихим вечером Гу Шаобай лежал в постели, словно слыша, как расцветают цветы в его сердце.

Он был счастлив. Никогда не думал, что спасение Чжуншэна приведет его на новый, неизведанный путь. Куда бы этот путь ни вел — в глушь или в прекрасные места, — его ждет другой конец.

Однако, после радости, он устремил пустой взгляд в потолок. Каким бы ни был конец, для того человека он уже не сможет обещать вечной любви.

Этой ночью он спал невероятно сладко, словно видел во сне горы золота и серебра. Он смеялся от души и кричал Цзи Цзяньчэню:

— У меня теперь есть деньги, Цзи! Иди, принеси мне воду для ног!

Или же он стоял среди летящих лепестков грушевого дерева, улыбаясь, глядя, как кто-то приближается издалека. К сожалению, лепестки, словно снег, скрывали лицо того человека. Он изо всех сил моргнул, и человек исчез, но теплые руки обняли его сзади, нежно и с легкой злостью щекоча его мягкий бок, от чего он растаял, словно вода...

Проснувшись, он с досадой обнаружил, что придется снова менять нижнее белье, которое он только что надел прошлой ночью.

Однако, вспоминая сон, он не мог не признать, что ощущение тех рук на его теле было слишком знакомым. Настолько знакомым, что это вызывало у него гнев.

Гу Шаобай подумал, что, должно быть, это потому, что кроме Му Цинфэна, у него не было опыта с другими. В гневе он даже подумал, что обязательно попробует кого-то другого. Нельзя же умереть, так и оставшись привязанным к этому кривому дереву. Это было бы слишком печально!

Через два дня караван семьи Гу отправился в путь. На этот раз, помимо товаров для Мобэя, они везли подарки для празднования дня рождения, всего более двадцати повозок.

Гу Шаобай ехал в одной повозке с отцом и старшим братом. Колеса грохотали, и он, не привыкший к долгим путешествиям, каждый день чувствовал себя разбитым и одурманенным.

Что касается Цзи Цзяньчэня, то он исчез. Когда Гу Шаобай выразил недовольство, тот ответил, что можно не беспокоиться: он уже отправил своих тайных охранников, которые будут следить за всем, и сообщат о любых происшествиях. А сам он, как известная личность, не может часто появляться на виду.

По сообщениям тайных охранников Цзи Цзяньчэня, люди Му Цинфэна отправятся в путь только через три дня. Их процессия была величественной, с множеством сопровождающих, поэтому двигались они медленно.

Через десять дней караван семьи Гу достиг префектуры Аньян. Это был второй по величине город в империи Даинь, а его шесть уездов славилась плодородными землями и изобилием. Поэтому Аньян, где находилась резиденция местного правителя, был шумным и процветающим, не уступая столице.

Семья Гу арендовала самый большой постоялый двор в городе, чтобы отдохнуть перед дальней

дорогой.

Гу Шаобай воспользовался тем, что отец и старший брат были заняты подготовкой повозок и товаров, и тайком вышел из постоянного двора, чтобы прогуляться по городу и прояснить голову, которую тряска в повозке превратила в кашу.

Только он вышел на главную улицу, как увидел в переулке знакомую фигуру, стремительно исчезающую за углом.

Этого человека он узнал бы даже в пепле. Это был Му Цинфэн.

Гу Шаобай вздрогнул и невольно пошел за ним, стараясь не подходить слишком близко, чтобы не быть замеченным.

Когда Му Цинфэн свернул в переулок, Гу Шаобай остановился. Переулок был тихим и пустынным, и если бы он пошел дальше, его бы обязательно заметили. Поэтому он прижался к углу и заглянул внутрь.

Оказалось, Му Цинфэн не ушел далеко, а поговорил с человеком, который ждал его там. Тот поклонился и ушел в другую сторону, а Му Цинфэн прошел еще немного и зашел в небольшой дом.

Гу Шаобай подождал, затем вошел в переулок и увидел, что Му Цинфэн зашел в неприметный постоянный двор.

Он посмотрел на него пару раз и поспешно ушел. Теперь у него даже не было настроения гулять. Внутри он чувствовал себя то сытым, то голодным, и его охватило беспокойство: почему Му Цинфэн здесь? Он должен был быть далеко позади! Что он задумал? Неужели он спешит сюда, чтобы убить кого-то? Боже мой, неужели он хочет убить отца?

Внезапно чья-то рука легла на его плечо.

<http://bllate.org/book/16730/1538630>